

ОДНАЖДЫ И НАВСЕГДА

К 90-летию со дня рождения Агасадыха Герайбеги

сиональную сцену Агасадыха Герайбеги. Пришел однажды и... навсегда.

Его становление происходило в суровое время, в канун эпохальных катаклизмов, и долгий творческий путь актера в искусстве не всегда был устлан цветами: в первые годы Советской власти неоднократно был в двух шагах от смерти за распространение языком искусства революционных идей среди масс. Но молодой актер всегда стремился выполнять свою миссию и от души радовался победе народной власти на своей родине.

И не случайно народный артист республики Агасадыха Герайбеги считает свою актерскую судьбу счастливой. Да и как могло быть иначе, если у истоков его таланта стояли такие яркие творческие личности, как Г. Араблинский, М. Магомаев, А. Ахвердов, Дж. Джабарлы, А. Туганов, А. Шарифзаде... Его яркая творческая биография всецело отражает в себе все основные этапы развития азербайджанского театрального искусства. Да и только ли театрального искусства? Он был одним из пионеров азербайджанского кинематографа. Еще в 20-е годы А. Герайбеги, снимаясь в немых фильмах «Гаджи Кара», «Дочь Гиляна», «Во имя бога», завоевал симпатии зрителей. А роль Балаша в кинофильме «Севиль» стала определенной вехой его творчества в кино.

А. Герайбеги свою артистическую деятельность начинал в бакинском «Сатир-Агит театре». Выступая во многих рабочих пригородах Баку, перед труженниками нефтяных промыслов, сатирагитовцы в рамках одного спектакля, как правило, исполняли несколько ролей. В основном спектакли шли без декораций. Отсутствие художественного оформления заставляло артистов уповать только на себя, на свои сценические данные, на собственную профессиональную подготовку. А. Герайбеги

на подмостках этого театра научился импровизировать, почувствовал всю тяжесть и всю прелесть общения со зрительным залом. У него появился вкус к сценической правде. Эти качества очень пригодились ему в дальнейшем и помогли артисту вырасти в большого, самобытного мастера.

Рассказывает народный артист республики Мелик Дадашев:

Когда я пришел в театр, а это было в конце 40-х годов, всех актеров подбирали на роль по принципу «амплуа». И надо сказать, что в то время в театре имени М. Азизбекова было немало выдающихся мастеров сцены, как трагиков, так и комиков. А. Герайбеги нельзя было в полной мере отнести ни к первым, ни ко вторым. В то время это понимали и оценивали по-разному. Сейчас с уверенностью можно сказать, что творчество акасадыха азербайджанского театра не укладывается в рамки определенного, традиционного амплуа. Он хорош и достоверен в пьесах любого жанра. Тонкое чувство жанра, осмысление стилистического своеобразия драматургии и, наконец, глубинное погружение в духовно-психологический мир создаваемого характера часто позволяли Герайбеги органично сочетать в каждой новой роли драматические, порой трагические нотки с комическими.

В результате ему во всей полноте удавалось раскрыть внутреннюю природу и жизненную позицию своих героев. И мне бы еще хотелось сказать вот что: он не только прекрасный актер и хороший партнер, он и заботливый, добрый человек. Об этом вам скажет каждый...

О молодых надо заботиться. Этому его научили его старшие товарищи по искусству еще в «Сатир-Агите», где Герайбеги получил и профессиональную закалку, и на практике освоил этические принципы молодого советского театра. Шло время. Актер чувствовал в себе силы для создания большого, сложного сценического образа, для испытания себя в большой драматургии. Это желание привело его в Азербайджанский драматический театр, где режиссером Александром Тугановым ему вскоре была предложена роль Сатина в пьесе «На дне». Герайбеги, как говорится, с головой ушел в работу. Спектакль с участием Герай-

беги посмотрел М. Горький, пребывавший тогда в нашем городе. «Очень хороши Сатин и Настя... Я очень доволен страстной игрой этих артистов...», — сказал он после премьеры. Высокая оценка одного из основоположников советской литературы вдохновила молодого актера. Герайбеги воссоздал на сцене немало образов, рожденных бессмертной русской драматургией. Самой значительной среди них была роль Гоголевского Городничего в «Ревизоре». Герайбеги был первым исполнителем этой роли на азербайджанской сцене. «Благодаря большому социальным обобщениям Городничий в исполнении Герайбеги предстал перед зрителями не только как правитель закорюстного провинциального городка, а как типичный чиновник, на которых и опирается царское самодержавие», — писал народный артист республики Тофик Кязимов в своей монографии, посвященной творчеству прославленного артиста.

Критика тех лет особо запомнилась финальная сцена спектакля, где Герайбеги — Городничему посредством одного лишь жеста хорошо удавалось обнажить жизненные принципы чиновника. Узнав о том, что он обведен вокруг пальца петербургским повесой, Городничий пребывает в страшном гневе. Обессилев, он падает на стул. В этот момент жандарм сообщает о приезде подлинного ревизора. По логике драматургического действия эта весть должна доконать Городничего. Но Герайбеги находит более оригинальное решение. К нему возвращаются силы. Встав, он правой рукой нащупывает туго набитый бумажник. В глазах его появляется уверенность...

Сценический дар артиста раскрывался не только при исполнении главных ролей, богатых по эмоциональному накалу, по духовно-психологическим данным. Критики, писавшие о творчестве А. Ге-

райбеги, отмечали, что и маленькие, эпизодические роли в его исполнении возвышались до уровня характеров, надолго запоминались зрителям.

— Если бы вы знали, как он был великолепен в роли Алп Арслана в спектакле «Хайля», — вспоминает народная артистка республики Шафига Мамадова. — Это была небольшая роль, с довольно непродолжительной сценической жизнью. Но актер работал с полной отдачей, на каждой репетиции удивлял режиссера и партнеров новыми интересными находками. Герайбеги на первый план выдвигал все больше разработанные автором лирические оттенки духовного мира грозного правителя. Надо было видеть, с каким упоением его Алп Арслан слушал музыку во дворце, как услаждали его взор и слух искусство танцовщиц, какой бурный поток положительных эмоций вызывали в нем стихи Хайяма. И в контрасте с этим образ тирана обнажался более глубоко и сильно.

Да, многие характерные, колоритные образы, созданные драматургами Дж. Джабарлы, С. Вургуном, М. Ибрагимовым, ассоциируются в эмоциональной памяти любителей театра прежде всего с именем того, кто воплотил их на сцене. — Агасадыха Герайбеги. Поэтому неудивительно, что большинство ролей даже из сошедших уже со сцены спектаклей и поныне живут в сердцах многих поклонников его щедрого таланта.

...Как будто это было недавно... На него надели парик с длинными косичками... Потом была ярко освещенная сцена, а перед ней пугающая темнота... Как будто это было вчера, когда он сквозь стук своего сердца услышал голос брата: «Смотри на дядю Гусейна». И он посмотрел. Посмотрел на великого мастера. В последующие годы он не только смотрел, но и равнялся на него. Много времени прошло с того дня. Нашли артиста признание, слава. Ему посчастливилось работать со всеми крупными мастерами азербайджанского театра. И в каждую роль вложил частичку себя, своей души, своего сердца.

Ю. БАГИРОВ.

...Он не знал, что эта наполненная таинственными и волнующими шорохами темнота обладает такой отпугивающей и вместе с тем такой притягательной силой. Трудно было различать лица, глаза, но чувствовалось, что эта темнота живая, дышащая, и он перед ней как на ладони... Участился пульс, его лихорадило. «Перестань глядеть в зал, смотри на дядю Гусейна», — услышал он голос брата как сквозь сон. Перевел взор на дядю Гусейна и с ужасом почувствовал, что плачет... Слезы ручейком текли по нагримированному лицу одиннадцатилетнего мальчика, которого зрители в этот вечер воспринимали как длинноносую, краснощековую девочку по имени Сария.

А когда глаза привыкли к темноте, мальчик сквозь слезы увидел добродушные улыбки старших, услышал их ободряющие слова. Случилась эта история почти во семьдесят лет назад на сцене Дома моряков, который в те далекие годы находился на одной из центральных улиц нашего города. Бакинского школьника, дебютировавшего на этой сцене в роли девочки, звали Агасадыхом. Статный, обаятельный мужчина, первый партнер юного артиста, которого он называл по-домашнему просто дядей Гусейном, был не кто иной, как сам Гусейн Араблинский, один из основоположников азербайджанского профессионального театра. Так, по воле случая однажды пришел на профес-